

вестного обстоятельства нередко возникает соблазн удовлетвориться удобным разграничением: Горький — родоначальник метода социалистического реализма в прозе, Маяковский — в поэзии, а Блок — ближайший предшественник последнего, и его традиция — ближайшая из классических.

То, что Блок для Маяковского — учитель, несомненно. Но и для того, и для другого ближайшей эстетической традицией является все же Горький, хотя их осознанные взаимоотношения складывались непросто.

Дело в том, что, когда Блок, вырастая в большого национального поэта, отрешаясь от известного индивидуализма, от замкнутости и самоизоляции, стал соотносить свою позицию с современной ему русской литературой, он с отменной прямотой и профессиональной честностью признал историческую значимость и величие Горького², за что подвергся нападкам со стороны символистов и даже (это, впрочем, было косвенной причиной) чуть не до дуэли поссорился с близким другом — А. Белым. Правда, признание это не означало перехода на горьковские позиции, но знаменательно, что Блок осознает Горького как влиятельнейшего из современников. Толстой в последние годы жизни уже воспринимался как явление бессмертное, чуть ли не абсолютное воплощение «классического» величия XIX в. А в XX в. даже не Чехов, при всей его популярности, а именно Горький скорее всего годится на роль, по Блоку, наставника русской литературы, переживающей процесс невиданного брожения.

В это поверить тем легче, что отношения Горького и Блока в последние годы жизни поэта были очень товарищескими, не просто взаимно уважительными. Приветственные юбилейные слова Блока, обращенные к Горькому — «величайшему художнику наших дней» — в 1919 г., говорят о многом.

Отношение же Маяковского к Горькому было куда менее справедливым, и не учитывать этого нельзя. Маяковский никогда не считал себя не только учеником Горького, но и наследником его традиций. Самая вынужденность жизни Горького за границей не была понята Маяковским, скорбевшим об участи «Горького-эмигранта» (7, 210)³ и упрекавшим его в том, что он «от песни о соколе перешел к песне об уже» (12, 349). Органическая революционность творчества Горького 20-х годов, чуждая «левой» фразы, была явно недооценена многими его современниками, и Маяковский здесь не исключение, а одно из наиболее резких тому подтверждений. Под «песней об уже» поэт вполне мог иметь в виду и горьковский замысел эпопеи «Жизнь Клима Самгина», о которой Горький охотно говорил и писал советским писателям. Известно, что взаимоотношения автора и его героя в этом произведении были неверно поняты значительной частью тогдашней критики⁴.

Однако вместе с тем несомненна и та полузатаенная тоска, с которой Маяковский воспринимает отсутствие живого Горького «на стройке наших дней» (7, 207), а не только в литературной борьбе с ее принципиальными разногласиями и мелкими распрями. В строках стихотворного «Открытого письма» Горькому, где много неверного, совершенно очевидно горячее желание поэта видеть буревестника революции на самом первом, самом почетном месте: он взывает к основоположнику пролетарской литературы и как к старому товарищу и — очень любопытно — как к судье, который и мо-

² Например, в статье «О реалистах» (1907 г.), при всем неприятии горьковского «материалистического социализма», Блок свидетельствует «чувство огромной благодарности за прошлое» и уже в это время считает именно Горького «в громадной степени» «выразителем» того, что называется «Русь» (Блок А. Собр. соч. в 8 томах, т. 5, М. — Л., 1962, с. 101, 103).

³ Ссылки на произведения Маяковского здесь и далее даются по изданию: *Маяковский В.* Полн. собр. соч. в 13 томах. М., Гослитиздат, 1955—1961. В тексте в скобках указываются том и страница.

⁴ См., например, статью в журнале «На литературном посту», 1927, № 15—16, с. 18—31.